

Постсоветская трансформация лесных посёлков на севере Нечерноземья¹

К. В. Аверкиева

Ксения Васильевна Аверкиева, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН. 119017 Москва, Старомонетный пер., 29, стр. 4. E-mail: k_averkieva@igras.ru

Аннотация. В статье рассматриваются лесные посёлки — центры леспромхозов, лесопункты и лесоучастки, — возникшие в Вологодской и Архангельской областях в советский период. Они представляют собой особый тип моноспециализированных сельских населённых пунктов, за короткий период прошедших динамичный путь от локальных точек роста и центров притяжения населения к стремительно теряющим жителей посёлкам со сложной ситуацией на рынках труда и в социальной сфере. Исследование опирается на полевые исследования в трёх муниципальных районах, в рамках которых проводились сбор низовой статистики и аналитических материалов, а также серия глубинных интервью с местными жителями, представителями местного самоуправления и муниципальной власти. Отток населения из лесопунктов обусловлен, с одной стороны, крахом системы леспромхозов и институциональной перестройкой лесозаготовительной отрасли, с другой — модернизацией лесозаготовок, вследствие которой уже нет необходимости в постоянно обитаемых многолюдных населённых пунктах в районе вырубок. Из-за более высокой на фоне мелкоселенного сельского расселения Нечерноземья людности лесных посёлков их большие потери населения в последние 20 лет сказываются на общей динамике сельского населения муниципальных районов. В отличие от исторических населённых пунктов их зачастую удалённое от транспортных сетей географическое положение и плачевное состояние жилого фонда не оставляет им надежд на хотя бы сезонное реосвоение или получение новых функций в современных условиях. Современное состояние лесных посёлков неодинаково и сильно зависит от сложного набора факторов: от особенностей географического положения до характера застройки и наличия сформированных сообществ, готовности жителей к самоорганизации для решения накопившихся проблем.

Ключевые слова: лесные посёлки, лесопункты, сельское расселение, лесозаготовки, Нечерноземье, Вологодская область, Архангельская область

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-90-110

Лесное хозяйство, наряду с сельским, долгое время формировало экономическую основу развития сельской местности в большинстве Нечернозёмных регионов. Обе отрасли прошли сложный путь постсоветской трансформации и модернизации, и к настоящему време-

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 21-17-00112

ни предлагают значительно меньше рабочих мест сельским жителям даже при возврате к позднесоветским объёмам производства или их превышении. Если в сельском хозяйстве модернизация лишь частично изменила логику пространственного размещения отрасли, то перемены в лесном хозяйстве полностью модифицировали принципы работы лесозаготовителей, что оказало влияние на судьбу узкоспециализированных посёлков, целенаправленно создававшихся в советский период.

Территориальная организация лесозаготовок и отраслевых, ведомственных, посёлков изучена слабо. Отчасти причиной этому можно считать тесную связь советских лесозаготовок с репрессивной системой, поскольку в них принимали активное участие как заключённые, так и многочисленные группы спецпереселенцев. Но и сети не связанных с исправительными учреждениями и принудительными миграциями посёлков при лесозаготовках (леспромпхозов и лесопунктов, лесосплавных пунктов и запаней) не хватает внимания учёных. Возможно, их временная природа не делала их привлекательными для науки, поскольку большинство специализированных посёлков существовали только в период разработки отдельных лесных массивов, и по мере вырубki леса должны были расселяться, а жители перемещаться в новые.

Сейчас лесные посёлки — это особый элемент системы сельского расселения. Их отличает относительно крупный на фоне традиционной в Нечерноземье мелкоселенной сети размер, стремительная депопуляция в последние 20 лет и наиболее сложное транспортное положение, поскольку они создавались вне сформировавшихся систем расселения, вдали от транспортных коридоров. Они концентрируют в себе многие проблемы сельского развития, но, в отличие от бывших колхозно-совхозных населённых пунктов, практически не имеют перспектив в современных условиях. Поэтому они требуют отдельного места в изучении процессов трансформации сельской местности в целом.

Обзор литературы

Драматичная судьба лесозаготовительных населённых пунктов — явление не уникально российское, большинство стран лесного пояса уже прошли путь реорганизации лесной отрасли, который сломал старую сеть поселений. Публикации об опыте Финляндии (например: Kortelainen, 2002) написаны преимущественно в 1990-х — начале 2000-х годов, поскольку здесь модернизация лесной отрасли прошла раньше, чем в России. В отличие от СССР в Финляндии не было специализированных крупных лесных посёлков, а были небольшие деревни фермеров-лесозаготовителей, которые пережили две волны кризисов. Первый в 1960-х годах, когда на смену мускульной силе и конной тяге пришли бензопилы и трелёвочные тракторы. Второй — в 1980-х, когда лесозаготовку стали осущест-

влять самоходные комплексы, что в корне изменило принципы размещения отрасли, поскольку ей больше не требовались постоянно обитаемые населённые пункты. Как пример авторы приводят деревню Континоваара на востоке Финляндии, которая на пике своего развития в 1955 году насчитывала 280 жителей, в 1975-м — 40, а сейчас осталось всего 9. Такая «тихая деревенская трагедия» (Ibid.: 232) характерна для всего лесного востока страны.

Драматизм присущ описанию изменений и в системе лесных посёлков и в Британской Колумбии — лесной провинции Канады, где модернизация привела к резкому сокращению числа прибрежных поселений, специализировавшихся на первичной деревообработке (Barnes, Hayter, 1994). Канадские исследователи рассматривают процессы трансформации лесной отрасли и сети лесных поселений в ином ключе. Больше внимания они уделяют механизмам управления территориями (не имеющие однозначного перевода на русский язык термины «policy» и «governance»), стратегиям адаптации территорий к изменившимся условиям. Поднимаются вопросы гендера и маргинальности в русле радикальной феминистской географии. Так, в одной из работ автор описывает, насколько женщины, работающие в лесной сфере, подвергались различным типам дискриминации, как формировалась их идентичность, и насколько гендерная специфика позволяла им принимать участие в общественном самоуправлении (Reed, 2003). Есть исследования, посвящённые роли дизайна и архитектуры в современном развитии лесных посёлков, рассматривающие функциональную организацию их территорий. Эти посёлки потеряли по 18–25% населения за 10 лет, и автор попытался предположить, какие архитектурные решения помогут сделать среду пустеющих посёлков привлекательной для тех, кто решил там остаться (Dow, 2008). Он приходит к выводу, что архитектурная среда посёлков должна подчёркивать их включённость в природные ландшафты и способствовать общению и самоорганизации их жителей, поскольку для удалённых территорий это очень важно.

Современные зарубежные авторы чаще пишут о проблемах лесного комплекса стран экваториального пояса, работы о современных процессах стран севера встречаются всё реже. Среди них — статья финского автора (Halonen, 2019) об адаптационных процессах в муниципалитете Лексия, в которой сделан акцент на феномене периферийности (а этим свойством обладает большинство лесных посёлков и городков не только в Финляндии, но и в других странах бореального пояса, включая Россию). С одной стороны, периферийность усугубляет многие социально-экономические проблемы, присущие переходным периодам. С другой — именно благодаря периферийности в низовых сообществах начинают активизироваться адаптивные механизмы и самоорганизация местных жителей. Пик численности населения и занятости в экономике муниципалитета Лексия пришёлся на 1960-е годы, после чего население за 50 лет сократилось почти вдвое, занятость в реальном секторе экономики упала 12-крат-

но на фоне небольшого роста численности занятых в секторе услуг. В кризис 1970-х годов на фоне первой волны модернизации лесного хозяйства лесные муниципалитеты могли рассчитывать на государственные программы реструктуризации занятости. В 1990-х, после присоединения Финляндии к Европейскому союзу, в приоритеты региональной политики вошли точки роста, а поддержка периферийных районов была прекращена, поскольку ставка делалась на инновационные отрасли и города, где они могут развиваться. Это усилило депопуляцию и сжатие рынков труда в периферийных муниципалитетах. В 2000-х рассматривалась возможность вложений в развитие туризма, в 2010-х — биоэнергетики, однако Лексия по-прежнему остаётся территорией медленного экономического угасания.

Анализируя ситуацию в лесном комплексе России, зарубежные авторы также прибегают к эмоционально окрашенным терминам. Так, в одной из немногих публикаций, посвящённых российским лесопунктам (Раннико, Кортелайнен, 2013), события в лесных посёлках 1990-х и 2000-х годов описываются в терминах «шоковой терапии», авторы пишут о драматичности происходивших перемен и тяжёлых социальных последствиях реформирования отрасли, усугубившихся спецификой приграничного положения изучаемых лесопромышленных посёлков.

В российской науке к теме лесных посёлков обращаются крайне редко. В отраслевых публикациях (например: Селименков, 2010, или Суханов, 2012), посвящённых техническому перевооружению лесной отрасли, как и в статьях об экономике лесозаготовок (Курило и др., 2013), практически не уделяется внимания ни современной кадровой политике, ни тем более судьбе советских лесопунктов. В работах географов лесная отрасль рассматривается более комплексно. Так, авторы (Кузьминов, 2010) отмечают, что российским лесным посёлкам присущи как те же проблемы, что посёлкам в зарубежных странах лесного пояса (периферийность, сжатие рынков труда), так и специфические, обусловленные сложными институциональными условиями функционирования лесной отрасли в 1990-х и 2000-х годах. «Посёлки слишком велики для ликвидации и переселения, но недостаточно велики для возникновения процессов саморазвития сообществ и, соответственно, возникновения новых рабочих мест в результате эффекта мультипликатора» (Там же: 40). Застойная безработица и маргинализация при этом не мешают формированию доверительных отношений между жителями, взаимной поддержке. На современном положении лесных посёлков сказывается их географическое положение: в случае удобного транспортного положения рынки труда и возможности поиска средств к существованию расширяются как благодаря трудовой миграции, так и лучшим условиям для сбыта даров леса.

В то же время А. Позаненко (Позаненко, 2018), изучавший лесные посёлки наряду с другими пространственно изолированными сообществами, приходит к противоположным выводам. Его иссле-

дования показывают, что в случае низкой транспортной доступности жители лесопунктов формируют сплочённые сельские сообщества, более устойчивые к социально-экономическим потрясениям. А если лесопункты вписаны в систему сельского расселения, сплочённости меньше.

В исследованиях, посвящённых трансформации сельского расселения Вологодской области во второй половине XX — начале XXI века (Солдатова, 2010), лесные посёлки рассматриваются наряду с другими функционально-генетическими типами сельских населённых пунктов (транспортные, промышленные, сельскохозяйственные и др.). Узкоспециализированные посёлки отличаются наименьшей устойчивостью, быстрее других теряют население, а их периферийное положение усугубляет социальные последствия депопуляции.

Материалы и методы

Наше исследование опирается на полевые изыскания на территории Верховажского и Тотемского муниципальных районов в Вологодской и Вельского в Архангельской областях, а также на анализ статистической информации. В рамках полевого этапа проводились глубинные интервью с сотрудниками администраций сельских поселений, специалистами учреждений сферы обслуживания, старожилами. Отдельно мы брали интервью у тех, кто переехал из лесных посёлков в другие сельские населённые пункты в пределах своего района. Основными исследовательскими вопросами были динамика и состав населения лесных посёлков в годы их расцвета, стратегии поведения жителей после краха советской лесозаготовительной системы и современной модернизации отрасли. С помощью картографических методов изучались особенности географического мезо- и микроположения лесных посёлков и его влияния на современные социально-экономические процессы.

Источниками статистической информации послужили данные муниципальных архивов, текущая муниципальная статистика и материалы из различных тематических публикаций (краеведческая литература, школьные проекты учеников из лесных посёлков) и СМИ. Всего полевыми исследованиями были охвачены 8 лесных посёлков, статистические данные собраны по всем 18 лесным посёлкам в двух районах Вологодской области и по 5 посёлкам Вельского района Архангельской области. Было проведено 12 полуструктурированных глубинных интервью.

Советская предыстория современных лесных посёлков

Формирование первой сети лесных посёлков в Вологодской и на юге Архангельской области вдоль крупных водных путей происходило

ещё в XIX веке, но объёмы лесозаготовок были не очень большими. В советский период в связи с необходимостью наращивания валютного экспорта потребовалось их расширение. В 1920–1930-х годах к лесозаготовкам активно привлекали крестьянское население (путём введения трудовой повинности), а в 1930-х к лесозаготовкам подключили спецпереселенцев. Так, в Вологодской области возникли около 160 лесозаготовительных посёлков (Юричев, 2009), основанных раскулаченными крестьянами или депортированными по этническому признаку, часть из них существует до настоящего времени. Например, посёлок Чуриловка в Тотемском районе, где проводились полевые исследования, вырос из спецпоселения, основанного депортированными из Одесской области русскими немцами (Тотемский..., 2019). Но такой экстенсивный путь наращивания объёмов заготавливаемого леса давал лишь кратковременный результат, и к середине 1950-х годов стала очевидна необходимость реформирования системы лесозаготовок, вследствие чего возникла разветвлённая система леспромхозов, которые включали в себя лесопункты, лесоучастки и лесотранспортные производства. К 1960 году в Вологодской области было создано 33 леспромхоза со 141 лесопунктом (Юричев, 2009).

Поскольку на старовоенных территориях, где уже давно была сформирована сеть населённых пунктов, лес был в значительной степени выработан, новые леспромхозы и лесопункты возникали в глубинных районах. Они оказались как вне исторической системы расселения, так и в стороне от существовавших транспортных путей. Для вывозки леса использовались лесосплавные реки и/или специализированные узкоколейные железные дороги (УЖД) (исключение здесь составляет только Монзенская железная дорога стандартной колеи). На пересечении лесовозных дорог с магистральными железными дорогами или судоходными реками возникали крупные лесотранспортные центры и предприятия деревообработки.

Одной из особенностей лесопромышленных поселений была их динамичность (Солдатова, 2010). Посёлки строились как временные, рассчитанные на несколько десятилетий, до исчерпания лесных ресурсов. Число лесных посёлков разного типа в Вологодской области в 1960 году составило 323, к 1977-му их было уже 168 (сказались запрет молевого сплава леса и ликвидация многочисленных запаней, а также укрупнение и слияние посёлков, ликвидация малых лесных участков), в 1989-м их количество выросло до 206 (Солдатова, 2010: 77). Поскольку многие посёлки были рассчитаны на непродолжительное существование, они застраивались временным жильём — щитовыми домами на две или четыре квартиры, чаще всего в них был водопровод, иногда даже частичное центральное отопление. Порой успевали заменить временное жильё более основательным, брусовыми домами или срубами, но так было не везде. В посёлках была построена необходимая социальная инфраструктура, развита торгов-

ля (нередко улучшенная, а некоторые респонденты даже говорили о «столичном снабжении»). «Как и в любом лесном поселке, где базировалось лесопромышленное предприятие, здесь была школа-восьмилетка, детсад, медпункт, столовая, хлебопекарня, магазин продуктовых и промышленных товаров сети ОРСа ЛПХ, клуб, библиотека, почта, общежитие для сезонных рабочих. Контора лесопункта — отдельное здание в центре поселка, на окраине — гараж»².

Как правило, посёлки были рассчитаны на 30 лет, и к концу 1980-х или началу 1990-х они должны были быть расселены, а жители переведены в новые населённые пункты на других участках своих леспромхозов, но на этот период пришлось сложные политические и экономические процессы, и расселены они не были, а инфраструктура продолжала ветшать, усугубляя проблемы, вызванные безработицей.

Население лесных посёлков формировалось преимущественно из жителей окрестных сельских районов. Чем севернее, тем большая часть людей приезжала из более южных муниципалитетов. Так, в составе жителей лесных посёлков юга Архангельской области многие из Вологодской и Ярославской областей, а в посёлках на юге Вологодской области — преимущественно бывшие жители соседних районов. Исследование фамилий жителей посёлка Гремячий в Тотемском районе показало, что его население сформировали приехавшие из Тотемского, Грязовецкого и Междуреченского районов Вологодской области и соседнего с ними Солигаличского в Костромской области. Помимо тех, кто прибывал в лесные посёлки по оргнабору, туда стремились переехать жители ближайших колхозных деревень, поскольку их привлекали лучшие жилищные условия, более высокая оплата труда и иной, более привлекательный состав жителей, «*хороший посёлок был, одна молодёжь, жили весело*» (из интервью с библиотекарем пос. Красный Бор); «*Чтобы уйти из доярок, я вышла замуж за человека, с которым даже была незнакома. С ним и уехали работать в леспромхоз*» (из воспоминаний Р. Камкиной, цит. по: Лебедева, 2010). Такие «переливы» трудоспособного населения (Солдатова, 2010: 78) усугубляли разрушение традиционных систем сельского расселения во второй половине XX века.

В лесных посёлках жили и реабилитированные, но не уехавшие на родину спецпереселенцы. Интересна биография трёх братьев Дексгеймеров, попавших в Тотемский район ещё детьми в 1946 году в составе семьи депортированных немцев и всю жизнь проработавших в лесопунктах района, на Каменке и в Чуриловке. Младший брат в конце 1990-х, будучи пенсионером, переехал в Германию, но каждое лето он проводит в Чуриловке, издал книгу воспоминаний (Дексгеймер, 2018). Ещё в населении нередко присутствуют выходцы

2. Феклуха: недалёкое прошлое и настоящее. Верховажский вестник, 11.06.2021 <http://verhovestnik.ru/nashs-istorija/fekluha-nedalekoe-proshloe-i-nastoyaschee-11-06-2021.html>

из бывших советских республик, поскольку почти в каждом посёлке были общежития для сезонных (для зимнего периода) рабочих, которые приезжали чаще всего из Молдавии и с Западной Украины. Некоторые из них оставались здесь жить, создавали семьи.

Среди респондентов неоднократно высказывалось мнение, что непродолжительная история существования лесных посёлков усугубила отток жителей после краха советской системы лесозаготовок: если нет глубокой связи с территорией, её легче покинуть — *«там [в лесных посёлках] нет никаких корней, все быстро разъезжаются»* (из интервью с сотрудником администрации Вельского района). Особая система функционирования хозяйства (поскольку всё было ведомственное) сформировала иное отношение к жилью и населённому пункту в целом: иждивенческое и пассивное, ведь все коммунальные вопросы решались через леспромхоз: *«Вот и сейчас мне [главе администрации сельского поселения, к которому отнесён бывший лесопункт] оттуда пишут «починить крыльцо!» — а у них дом приватизированный! Я сам, что ли, должен чинить им? Или кто должен в частном доме крыльцом заниматься? А ведь раньше у них так и было, уходили утром в лес, оставляли записку, например, «проверить печь», к вечеру возвращались — и всё починено»* (из интервью с главой Никольского СП Тотемского района).

Подобное отношение к жилью и инфраструктуре усугубило проблемы, обрушившиеся на лесные посёлки в 1990-х и 2000-х годах, поскольку никто не стремился самостоятельно приводить в порядок жильё и инженерные коммуникации после того, как не стало леспромхозов: *«жильё своё откровенно запустили и постоянно жалуются»* (из интервью с главой Никольского СП Тотемского района). Только в последние годы в рамках различных областных программ поддержки инициативных проектов (ТОС в Архангельской области, «Народный бюджет» в Вологодской) жители лесных посёлков стали постепенно включаться в благоустройство своих населённых пунктов.

Постсоветская трансформация лесных посёлков

Хотя сами жители лесных посёлков склонны винить в кризисном положении экономическую политику 1990-х годов, многие кризисные явления были предопределены и не очень сильно зависели от общегосударственных экономических и политических процессов. На 1990-е годы пришлось и исчерпание лесных ресурсов в непосредственной близости от лесопунктов, и начало новой волны трансформации технологии лесозаготовок, связанной с внедрением лесозаготовительных комплексов. Рисунок 1 на примере Гремячинского лесопункта Грязовецкого района Вологодской области демонстрирует, что снижение численности работников, как и падение объёма лесозаготовок, шло уже два десятилетия до 1990-х годов, поскольку самый удобный

лес был вырублен в первое десятилетие существования лесопункта, а дальше приходилось разрабатывать всё более удалённые делянки, что увеличивало издержки, снижало скорость и вело к сокращению рубок. В то же время постепенная, но не радикальная модернизация лесозаготовок способствовала сокращению занятости. Параллельно велись несанкционированные рубки, но узнать, как они соотносились с работой леспромхозов, сейчас почти невозможно. Из-за сложностей с транспортировкой жертвами теневой лесной экономики чаще становились колхозные леса с более удобным расположением относительно транспортных путей.

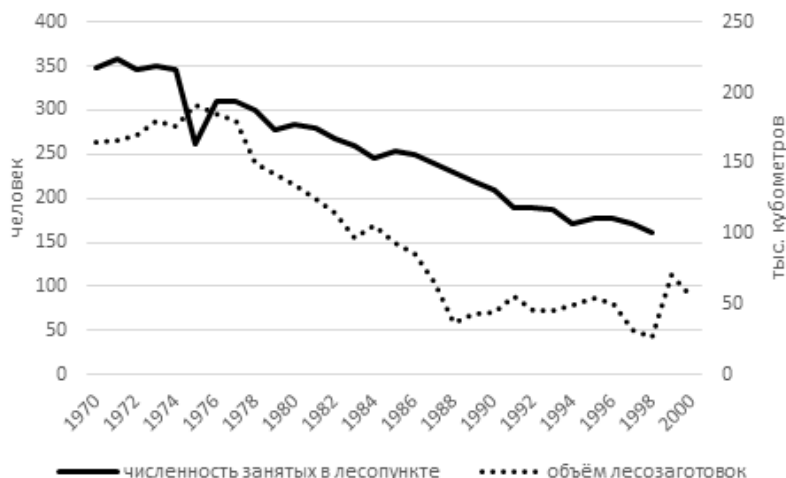

Рис. 1. Динамика численности занятых и объёма лесозаготовок в Гремячинском лесопункте Монзенского леспромхоза в Вологодской области, 1970–2000 гг. Составлен автором по данным (Лебедева, 2010)

Если обратиться к данным переписей населения 1989 и 2002 годов, видно, что большинство лесопунктов в 1990-х более-менее сохраняли численность населения (хотя бы на бумаге), а с начала 2000-х началась стремительная депопуляция. По всей видимости, в первое постсоветское десятилетие в лесном, как и в сельском хозяйстве, сохранялась некая инерция, но долго так продолжаться не могло. Перепись 2010 года показала, что численность населения лесных посёлков в Тотемском районе сократилась на 35%, в Верховаяжском — на 25%, и это всего за 10 лет. Первая волна сокращения повлекла за собой сжатие социальной инфраструктуры: в 2000-х закрывались школы, детские сады, вслед за ними — дома культуры, библиотеки, медпункты, что спровоцировало вторую волну миграционного оттока и усугубило перекос возрастной структуры населения в пользу пожилых.

Оценить современную численность населения в лесных посёлках можно только по данным текущего учёта, поскольку новой переписи населения пока не проводилось. Даже текущий учёт (который в регио-

нах Нечерноземья, как правило, сильно расходится с материалами переписей) показывает, что численность населения продолжает сокращаться, наиболее удалённые от районных центров и автомобильных магистралей посёлки за постсоветский период потеряли по 40–60% жителей, а в особых случаях и больше 80% населения (например — лесосплавной посёлок Михайловка в Тотемском районе, см. табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности населения и особенности географического положения выборочных лесных посёлков Тотемского района Вологодской области

	1987	2000	2019	2019/1987, %	Особенности географического положения
Советский	1694	1608	1404	83	примыкает к райцентру, на берегу р. Сухоны
Гремячий	562	481	327	58	очень удалён от райцентра, на ведомственной ЖД
Чуриловка	479	374	268	56	недалеко от райцентра, но на противоположном берегу р. Сухоны
Камчуга	947	839	481	51	недалеко от райцентра, на берегу р. Сухоны и около федеральной трассы
Крутая Осыпь	364	265	176	48	удалена от райцентра, на разобранной УЖД
Карица	654	475	258	39	очень удалена от райцентра, на ведомственной ЖД
Красный Бор	465	454	164	35	удалён от райцентра и умеренно удалён от федеральной трассы
Первомайский	174	111	47	27	удалён от всего, очень плохая дорога
Октябрьский	429	331	105	24	удалён от всего, на разобранной УЖД, но есть автомобильная дорога
Михайловка	603	406	114	19	удалена от всего, на р. Сухоны, нет автомобильных дорог вообще

Составлена автором по материалам администраций сельских поселений Тотемского района и данным Тотемского муниципального архива

Высокая на фоне традиционно мелкоселенной сельской местности Нечерноземья людность лесных посёлков при столь стремительной их депопуляции привела к тому, что отток населения из них заметно

сказался на общей динамике сельского населения муниципальных районов. Так, население Тотемского района Вологодской области сократилось примерно на 5500 человек, а только 12 лесных посёлков — на 3000. Эти оценки станут ещё более выразительными, если учесть ещё одну характерную для бывших лесопунктов черту — повышенную долю прописанных, но не проживающих жителей. Не в каждом муниципальном районе (и не в каждом сельском поселении) ведётся учёт реально проживающих. Экспертные оценки глав сельских поселений показывают, что в колхозных деревнях прописаны, но не проживают 15–20% жителей, а в лесных поселках таких не менее 30%.

Величина этого показателя (как и темпов сокращения официально зарегистрированного населения) сильно варьирует в зависимости от географического положения лесных пунктов. Если они встроены в историческую систему расселения и тем более расположены недалеко от районных центров, прописанных оказывается примерно столько же, сколько и проживающих фактически, но чем периферийнее положение, тем выше доля таких «мёртвых душ» (см. табл. 2). В удалённых посёлках Верховажского района проживает менее половины прописанных, на периферии Бабушкинского района в лесопунктах упразднённого Монзенского леспромхоза — около 45%, аналогично в лесопунктах Тёгринского МО в Вельском районе Архангельской области. Согласно данным из паспорта Верхнепоношского сельского поселения Вельского района (в которое входят только населённые пункты Комсомольского леспромхоза), при 909 прописанных проживают всего 342 человека, т.е. почти втрое меньше. Такие сильные расхождения отчасти объясняются тем, что жители лесных посёлков всё ещё надеются на программы переселения (сейчас действуют программы переселения из ветхого и аварийного жилья, а в Архангельской области ещё и переселения из районов Крайнего Севера и приравненных к ним), поэтому сохраняют прописку.

Таблица 2. Динамика численности населения по лесным посёлкам Верховажского района Вологодской области

	Переписи населения		2020		Расстояние от районного центра, км	2020/2002, %	Доля реально проживающего населения, %
	2002	2010	Зарегистрировано	Проживает			
Тёплый Ручей	569	544	590	576	3	104	98

Феклуха	329	190	151	83	62	46	55
Рогна	410	255	233	100	49	57	43
Пежма	383	291	265	184	35	69	69
Каменка	560	469	513	446	49	92	87
Макар- цево	307	192	194	119	43	63	61
Суммар- но по лес- ным посёлкам	2558	1911	1946	1508		72	69

Составлено автором по данным администраций сельских поселений Верховажского района

Основной причиной стремительного оттока жителей из лесных посёлков стала безработица. К ней одновременно привели и крах советской системы леспромхозов, и модернизация лесозаготовок, и институциональные преобразования в отрасли (Кузьминов, 2012). Зачастую даже при наличии лесных участков поблизости от лесопунктов их разработку ведут арендаторы, не имеющие отношения к посёлку и не привлекающие к работе его жителей. Нередко новые арендаторы лесных угодий не только перевозят или утилизируют оставшуюся от леспромхоза технику и объекты инфраструктуры (гаражи, депо и рельсы УЖД и др.), но и наносят вред оставшимся объектам, в первую очередь — и без того проблемным дорогам, ведущим к посёлкам. Так, сотрудники Устьянской лесной компании, которая стала крупнейшим лесозаготовителем на юге Архангельской области, после вывоза всей техники и демонтажа гаражей начали вывозить даже бетонные плиты, которыми мостили лесовозные дороги, разбивая единственный подъездной путь к пос. Тёгроозеро.

С одной стороны, современные условия получения лесных участков в аренду не позволяют небольшим предпринимателям из лесных посёлков получать доступ к лесу, поэтому лесозаготовки снижаются или останавливаются. С другой стороны, современные технологии подразумевают использование энергонасыщенной высокопроизводительной техники, для которой не требуется много занятых. *«Можно за 2 недели все кварталы вымахать современной техникой»* (из интервью с заместителем главы администрации Вельского района по вопросам экономики). Работники вместе с передвижными лесозаготовительными комплексами перемещаются между участками и не привязаны к сети советских лесных посёлков, они действуют в сменном или вахтовом режиме, останавливаясь во временном жилье на лесных делянках или в общежитиях тех лесных посёлков, которые расположены ближе к месту очередной рубки (аналогично получается и в Финляндии: Kortelainen, 2002).

Другим выталкивающим фактором для жителей лесных посёлков послужили трудности в содержании скота. И характер застройки лесных посёлков (регулярная сетка улиц, поквартирное заселение домов и небольшие приусадебные участки), и отсутствие сельскохозяйственных угодий вокруг не позволяли ни разбить дополнительный огород, ни содержать крупный скот. Без подсобного сельского хозяйства семьям было особенно трудно в годы структурных преобразований лесозаготовительной отрасли, и при возможности все старались уехать, особенно если были дома и/или родственники в старых колхозных деревнях. Те, кто уехать не мог, пытались найти возможность выстроить отдельный дом на окраине лесного посёлка, и сейчас почти все посёлки имеют небольшие слободы из индивидуальных домов, как правило, обитаемых, в отличие от полупустых квартир в некогда ведомственных домах. В тех посёлках, которые имеют более выгодное географическое положение или живописное расположение, и сейчас ведётся застройка исключительно индивидуальными домами, что приводит к территориальному расползанию при опустении центральных частей.

Дифференциация современного состояния лесных посёлков

Если отсутствие возможности найти работу в лесной отрасли и износ жилья и инфраструктуры — это два почти универсальных явления, присущих лесным посёлкам, возникшим в годы формирования сети леспромпхозов, то динамика численности населения сильно зависит от места лесных посёлков в системе расселения и от особенностей их микроположения, от качества места (Смирнягин, 2012). Так, в детально исследованных лесопунктах в Тотемском и Верховском районах фиксируется прямая зависимость: чем ближе они

к районному центру (учитывается не только расстояние, но и особенности транспортной доступности — наличие моста, регулярной переправы, качества дорожного покрытия и др.), тем меньше темпы депопуляции и тем чаще наблюдается приток сезонного или даже постоянного населения, который, впрочем, не может перекрыть естественную убыль.

Посёлок Советский — некогда крупный лесосплавной пункт (Тотемский..., 2019) и конечная станция Пятовской УЖД — превращается в спальный пригород районного центра Тотьмы, от которого он находится в 15-минутной доступности по хорошей дороге. За постсоветский период он потерял 17% жителей (это соответствует удельной убыли сельского населения в Нечерноземье, если не рассматривать небольшие периферийные поселения), а сейчас в посёлке ведётся активное жилищное строительство, заложено несколько новых улиц на месте лесосплавного участка на берегу р. Сухоны и несколько улиц ближе к лесу. Дома строят как жители Тотьмы, так и Тотемского района, переезжающие поближе к районному центру. Аналогично и в Верховажском районе: пос. Тёплый Ручей, находящийся в 10-минутной доступности от районного центра, не только не теряет жителей, но и постепенно растёт. Жилищное строительство там ведётся не столь активно, как в Советском, поскольку жителей устраивает имеющийся в посёлке жилой фонд, временные щитовые дома в 1980-х были заменены брусовыми 2-квартирными коттеджами, в нём хорошо сохранились инженерные коммуникации и социальная инфраструктура, есть собственные рабочие места в деревообработке в сочетании с пешей доступностью райцентра.

Противоположная ситуация — на периферии, в лесных посёлках с удалённым положением, которое усугубляет проблемы износа зданий и инженерных сетей. Такие посёлки уже потеряли свыше половины (а иногда и более 3/4 своих жителей), ситуация там ежегодно ухудшается и надежд на изменение этой тенденции нет.

В остальных случаях многое зависит от микроположения посёлков и качества среды, наличия крупных водоёмов или водотоков. Так, расположенные на крупной р. Сухоне пос. Чуриловка и Камчуга уже не входят в зону пригородов районного центра, но не являются труднодоступными из-за относительно небольшого расстояния (30 км) по дорогам с асфальтовым и улучшенным грунтовым покрытием. В то же время они не встроены в историческую систему сельского расселения, расположены в стороне от других деревень района. Оба посёлка потеряли чуть меньше половины жителей и отличаются заметными сезонными колебаниями численности населения с выраженным летним пиком. Живописное расположение и хотя бы частичная сохранность инфраструктуры (действуют дома культуры, библиотеки, есть стадион, магазины) делают такие посёлки привлекательными для дачного отдыха. Так, при официально зарегистрированных 268 жителях зимуют в Чуриловке не более

180, а летнее население оценивается примерно в 350 человек. В последние годы фиксируется небольшой приток жителей — возвращаются уехавшие в 1970–1980-х годах, сначала как дачники, но есть и те, кто перебрался на постоянное место жительства, особенно из районов Севера. Благодаря этому в Чуриловке ведётся жилищное строительство. В основном это индивидуальные дома, сейчас на них приходится уже половина жилого фонда, что для лесных посёлков — редкость. Неординарно и то, что 7 из 11 семей по программе переселения из ветхого и аварийного жилья решили переехать в новые дома в Чуриловке, и только 4 перебрались в районный центр.

Казалось бы, при схожем географическом положении в Камчуге можно было бы ожидать примерно такие же процессы, даже, вероятно, чуть более оживлённые в силу её изначально большего размера. Однако Камчуга продолжает терять население, социальная инфраструктура сокращается, сезонные жители есть, но активного строительства не ведётся. Возможно, причиной тому служит застройка посёлка. Здесь, в отличие от Чуриловки, до сих пор преобладают щитовые 2- и 4-квартирные дома, которые давно исчерпали свой ресурс. Почему в 1980-х годах они не были заменены брусовыми, как в Чуриловке, — неизвестно.

В случае если лесные посёлки не относятся ни к пригородным, ни к периферийным, и в то же время встроены в историческую сеть населённых пунктов (или расположены на небольшом удалении от колхозных деревень), динамика населения и социально-экономических показателей слабо отличается от их окружения. Так, пос. Каменка в Верховажском районе находится в пределах Чушевицкого сельского поселения, непосредственно «в кусте» населённых пунктов, и здесь темпы депопуляции даже немного ниже, чем в соседних деревнях.

Пример Каменки показывает, что не только положение относительно районного центра и соседних исторических деревень сказывается на современном состоянии и динамике населения, но и размер. Зачастую наиболее крупные, многолюдные населённые пункты оказываются более устойчивыми оттого, что в них более оправданно сохранение большинства объектов социальной инфраструктуры. Сказывается как больший размер и, как следствие, большая устойчивость, так и более благополучный рынок труда, там действует крупное предприятие деревообработки.

Факторами, влияющими на динамику населения (как косвенный индикатор социально-экономического положения), таким образом, являются как более-менее параметризуемые позиционные (расстояние от районного центра, транспортная доступность, включённость в систему сельского расселения и изначальный размер лесного посёлка), так и те, которые трудно оценить количественно: характер застройки, качество места и даже специфика населения, сплочённость сообществ и наличие харизматичных лидеров.

В системе местного самоуправления лесные посёлки утратили свою роль. До реформы местного самоуправления 2003 года посёлки нередко были центрами сельсоветов, ими же и образованными, а после принятия ФЗ 131 и по мере укрупнения сельских поселений большинство лесных посёлков вошли в состав других, более крупных.

Вопрос включённости в местное самоуправление и даже в сложившееся административно-территориальное деление для лесных посёлков до сих пор остаётся открытым. Их изначально ведомственная принадлежность не столько к муниципальным районам, сколько к леспромхозам, контуры которых нередко пересекали районные границы, определяла формирование экономических и социальных связей. Их часто усиливали УЖД или автомобильные лесовозные дороги, которые пересекали границы муниципальных образований и формировали свои полуизолированные системы населённых мест, не согласующиеся с исторической сетью населённых пунктов.

После разрушения сети леспромхозов и ликвидации лесовозных дорог посёлки буквально оказывались вне каких-либо сложившихся административных единиц. Поэтому в 1990-х и 2000-х годах некоторые из них, как правило удалённые от районных центров, переходили из состава одних муниципальных образований в другие. Так, посёлки Гремячий и Карица (относившиеся к Монзенскому Леспромхозу Вологодской области) успели побывать в составе Кологривского района Костромской области, затем в Грязовецком районе Вологодской, а с 2006 года вошли в состав Тотемского района Вологодской области. Аналогично пос. Феклуха передавался из Тарногского в Верховажский район Вологодской области. По всей видимости, детальное изучение лесных посёлков в других районах позволит обнаружить аналогичные процессы.

Главы сельских поселений, в состав которых включены лесные посёлки, отмечают, что работать с ними труднее. *«Жители старых, колхозных деревень очень самостоятельные, всегда готовы объединяться и что-то делать, легко вовлекаются в любые начинания. Жители лесных посёлков не такие, привыкли, что им всё лесхоз должен. Даже программа «Народный бюджет» в лесных посёлках вроде действует, но все проекты больше по инициативе городских, кто в посёлки только детей на каникулы привозит и в отпуск ездит»* (из интервью с главой Никольского сельского поселения Тотемского района). Тем не менее главы сельских поселений не говорят о перспективах таких населённых пунктов и больше обеспокоены исполнением своих полномочий в условиях ограниченного бюджета.

Для администраций муниципальных районов лесные посёлки — это наиболее проблемный объект. С одной стороны, многие

понимают бессмысленность их существования, осознают, что в современных условиях лесной отрасли они не будут востребованы, инфраструктура ветшает, условия жизни, особенно в периферийных посёлках, становятся всё более сложными. С другой стороны, до сих пор нет программ переселения из посёлков (кроме универсальных, таких как «Расселение ветхого и аварийного жилья»), и не все жители будут готовы переехать. На поддержание дорог (преимущественно грунтовых) до лесных посёлков уходят большие средства, как и на расчистку их от снега зимой, прокладка и обслуживание телекоммуникационных сетей также затруднены. Время от времени в прессе появляются публикации, как тот или иной посёлок оказался отрезанным то от телефонной связи, то от электричества, то дорога к нему становится совсем не проезжей в межсезонье.

Сами жители посёлков не очень доверяют районным властям. Отчасти, поскольку они изначально были встроены в леспромхозы и с районной властью не взаимодействовали, отчасти, поскольку посёлки меняли территориальную принадлежность. В случае пространственной изоляции недоступность властей побуждает местных жителей самостоятельно решать все вопросы, «власти изолированные села практически не трогают, не помогая и не мешая им, а функции властей, самоорганизовываясь, выполняют сами жители» (Позаненко, 2018: 47).

Выводы

Лесные посёлки — бывшие центры леспромхозов, лесопункты и лесоучастки — это особый элемент системы сельского расселения в регионах российского Нечерноземья. Их сеть в основном сформировалась в 1950–1960-х годах и существовала параллельно с исторической системой сельских населённых пунктов, преимущественно сельскохозяйственных. За 70 лет они успели появиться, вырасти до крупных относительно колхозных деревень размеров (от 400 до 1500 человек) и потерять большую часть жителей, к настоящему времени оказавшись практически невостребованными в изменившихся условиях функционирования лесной отрасли.

Такой путь — от стремительного расцвета к быстрому упадку — прошли и монофункциональные лесные посёлки других стран северного лесного пояса, в частности Финляндии и Канады. Но за рубежом кризис системы лесозаготовительных поселений начался раньше вслед за более ранней модернизацией отрасли. В России друг на друга наложилось несколько процессов, что усугубило общие для таких поселений проблемы. В середине 1990-х годов экономический кризис и институциональные преобразования лесной отрасли совпали со временем истощения доступной лесосеки и износом зданий и инженерных сетей в посёлках, построенных

в начале 1960-х годов, а в 2000-х началась новая волна модернизации лесозаготовок, приведшая к многократному сокращению потребности в кадрах и изменившая принципы территориальной организации всей системы. С начала 2000-х в лесных посёлках идёт ухудшение условий жизни и стремительный отток населения.

Лесные посёлки, в зависимости от географического положения и ряда других факторов, за постсоветский период потеряли от 10 до 80% населения. В лучшем положении оказались те, что были вписаны в историческую систему расселения и располагались недалеко от районных центров, в худшем — на периферии муниципальных районов, с низкой транспортной доступностью. Из-за большой людности в конце советского периода лесные посёлки внесли весомый вклад в депопуляцию всех сельских территорий своих районов и регионов. Так, в рассмотренном детально Тотемском районе, их вклад в постсоветское сокращение сельского населения оценивается в 55%.

Помимо того что лесные посёлки стремительно теряют население, они отличаются и высокой долей прописанных, но реально не проживающих. Если по сельскохозяйственным населённым пунктам на этой же территории разница между прописанным и фактически проживающим населением оценивается примерно в 15–20%, то по лесным посёлкам — в 30% и более. Этот показатель, как и темпы депопуляции, варьирует в зависимости от географического положения, в удалённых местах достигая 50–60%. Поэтому в дальнейшем статистические данные покажут ещё большую убыль населения.

Условия жизни в лесных посёлках сложные, что вызвано как крайне узкими рынками труда (отсутствие лесозаготовок и альтернативной занятости в реальном секторе, сжатие социальной инфраструктуры), так и высоким износом зданий и инженерных сетей. В случае удалённого от районных центров и магистралей положения все эти проблемы усугубляются перебоями с электроснабжением, недоступностью телекоммуникаций и даже периодами полной изоляции в непогоду и межсезонье. В случае удачного расположения и наличия перспектив хотя бы сезонного реосвоения посёлков ведётся стихийное обновление жилого фонда, ведомственное многоквартирное жильё постепенно замещается индивидуальными домами. В остальных случаях жителям остаётся надеяться лишь на программу переселения из ветхого и аварийного жилья, реализация которой идёт медленно.

Судьба лесных посёлков неясна. Для современных лесозаготовок не нужны стационарные посёлки с большим населением, деревообработка размещается в центрах с удобным транспортным положением и также не станет локомотивом развития бывших советских лесопунктов. Сейчас лесные посёлки теряют население, жилой фонд ветшает, власти стараются обеспечить минимальный набор благ, что сильно осложняется большими расстояниями и пло-

хими дорогами. Пока разговоров о массовом переселении жителей нет, тем более всегда найдутся те, кто не захочет уезжать.

Лесные посёлки формируют особый и очень сложный тип сельских населённых пунктов, который требует дополнительного внимания как со стороны власти, так и со стороны учёных, поскольку простого решения накопившихся проблем быстро найти не получится.

Библиография

- Дексгеймер С. С. (2018). А душой я — в Чуриловке. Автобиографический очерк. Вологда: Сад-огород.
- Кузьминов И. Ф. (2012). Географические факторы развития российской лесной промышленности в условиях рыночной экономики // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 32–44.
- Кузьминов И. Ф. (2010). Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере европейской России (на примере Костромской области) // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 31–43.
- Курило А. Е., Немкович Е. Г., Курило М. О. (2013). Трансформация лесопромышленного сектора Республики Карелия // Региональная экономика: теория и практика. № 36. С. 27–37.
- Лебедева В. (2010). История посёлка Гремячий. МОУ «Никольская СОШ им. Н. М. Рубцова». Рукопись.
- Позаненко А. А. (2018). «Отдельная типа республика»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. Т. 27. № 4. С. 31–55.
- Ранникко П., Кортелайнен Я. (2013). Шоковая терапия на границе российской Карелии — востосоциализм в двух лесопромышленных посёлках / Пер. с фин. яз. Ю. М. Килин // Studia Humanitatis Borealis. № 1. С. 53–72.
- Селименков Р. Ю. (2010). Пути повышения производительности труда в лесозаготовительной отрасли региона // Проблемы развития территории. № 3 (49). С. 29–36.
- Смирнягин Л. В. (2012). Место вместо местоположения? (О сдвигах в фундаментальных понятиях географии) / Географическое положение и территориальные структуры. Памяти И. М. Маергойза. Науч. работы: сб. науч. тр. М.: Новый хронограф. С. 421–456.
- Солдатов Н. В. (2010). Динамика расселения Вологодской области во второй половине XX — начале XXI века. Вологда: ВГПУ.
- Суханов В. С. (2012). О развитии технологии лесозаготовок в России. Лесной вестник // Forestry bulletin. № 4 (87). С. 46–49.
- Тотемский район: прошлое, настоящее, будущее (2019) / Под ред. Новосёлова А. М., Кузнецова А. В. Череповец: Порт-апрель.
- Юричев Е. Н. (2009). Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области. Вологда.
- Barnes T. J., Hayter R. (1994). Economic restructuring, local development and resource towns: Forest communities in coastal British Columbia // Canadian Journal of Regional Science. Vol. 17. P. 289–310.
- Dow F. (2008). Envisioning sustainable forestry communities in Northern Ontario: the role of architecture and design. Waterloo, Ontario, Canada, 2008 https://uwaterloo.ca/bitstream/handle/10012/3685/Fraser_Dow_Thesis_Submission_o80515.pdf?sequence=1
- Halonen M. (2019). The long-term adaptation of a resource periphery as narrated by local policy-makers in Lieksa // Fennia. Vol. 197. № 1. P. 40–57.

Kortelainen, J. (2002). Forest industry on the map of Finland// Fennia. Vol. 180: 1–2, pp. 227–235.

Reed M. (2003). Marginality and gender at work in forestry communities of British Columbia, Canada // Journal of Rural Studies. Vol. 19. P. 373–389.

Post-Soviet transformation of forest settlements in the north of the Non-Black Earth Region

Ksenia V. Averkieva, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. 119017 Moscow, Staromonetny Per., 29, bldg. 4.

E-mail: k_averkieva@igras.ru

Abstract. The article considers forest settlements — the former centers of timber industry — in the Vologda and Arkhangelsk Regions during the Soviet period. They represent a special type of mono-specialized rural settlements which in a short period turned from the local growth points and centers of attraction into depopulating settlements with shrinking labor markets and social infrastructure. The article is based on field studies conducted in three municipal districts of the Vologda and Arkhangelsk Regions (grassroots statistics and analytical materials, in-depth interviews with local residents, representatives of local governments and municipal authorities). The outflow of population from logging stations is determined, on the one hand, by the collapse of timber industry and institutional restructuring of logging industry; on the other, by modernization of logging which no longer needs permanently inhabited settlements. Due to the higher population density of forest settlements (compared to small rural settlements in the Non-Black Earth Region), their population losses in the past twenty years affect the general migration dynamics of municipal districts. Unlike historical settlements, the geographic location of forest settlements (often remote from transport networks) and the deplorable state of housing do not leave them hopes for at least seasonal redevelopment or new functions. The current state of forest settlements depends on a set of factors: geographical location, type of development, type of community, readiness of residents to self-organize, and so on.

Key words: forest settlement, logging settlement, rural settlement system, logging, Non-Black Earth Region, Vologda Region

References

Deksgeimer S. S. (2018) *A dushoi ya — v Churilovke. Avtobiografichesky ocherk*. [And My Soul is in Churilovka. An Autobiographical Essay], Vologda: Sad-ogorod Publ.

Kuzminov I. F. (2012) *Geograficheskie faktory razvitiya lesnoy promyshlennosti v usloviyakh rynochnoy ekonomiki* [Geographical factors of the Russian timber industry development in the market economy]. *Izvesiya AN, Seriya geograficheskaya*, no 4, pp. 32–44.

Kuzminov I. F. (2010) *Sotsialno-ekonomicheskie problemy lesopromyshlennogo kompleksa na severe evropeyskoy Rossii (na primere Kostromskoy oblasti)* [Social-economic problems of forest industry in the north of European Russia (on the example of the Kostroma Region)]. *Izvesiya AN, Seriya geograficheskaya*, no 5, pp. 31–43.

Kurilo A. E., Nekovich E. G., Kurilo M. O. (2013) *Transformatsiya lesopromyshlennogo sektora respubliki Kareliya* [Transformation of timber industry in the Republic of Karelia]. *Regional economics: theory and practice*, no 36, pp. 27–37.

Lebedeva V. (2010) *Istoriya poselka Gremyachy* [History of the Gremyachy Settlement]. Manuscript.

- Pozanenko A. (2018) 'Otdelnaya tipa respublika': strukturnye osobennosti prostranstvenno izolirovannykh localnykh selskikh soobshеств ['Like a separate little republic': Structural specifics of isolated rural communities]. *Mir Rossii*, vol. 27, no 4, pp. 31–55.
- Ranniko P., Kortelainen J. (2013) Shokovaya terapiya na granitse Rossijskoy Karelii — postsozializm b dvukh lesopromyshlennykh poselkah [Shock therapy on the border of Russian Karelia — post-socialism in two timber industry settlements]. *Studia Humanitatis Borealis*, no 1, pp. 53–72.
- Selimenkov R.Yu. (2010) Puti povysheniya proizvoditelnosti truda v lesozagotovitel'noy otrasli regiona [Ways to increase labor productivity in the regional logging industry]. *Issues of Territorial Development*, no 3, pp. 2936.
- Smirnyagin L.V. (2012) Place instead of location? (On shifts in fundamental concepts of geography). *Geograficheskoe polozhenie i territorialnye struktury. Pamyati I. M. Maergoiza*, Moscow: Novy Khronograf, pp. 421–456.
- Soldatova N.V. (2010) *Dinamika rasseleniya Vologodskoi oblasti vo vtoroi polovine XX — nachale XXI veka* [Dynamics of Settlement in the Vologda Region in the Second Half of the 20th — Early 21st Century], Vologda: VGPU.
- Sukhanov V.S. (2012) O razvitii tekhnologii lesozagotovok v Rossii [On the development of logging technology in Russia]. *Forestry bulletin*, no 4, pp. 46–49.
- Totemsky raion: proshloe, nastoyashee, budushee (2019) [Totma District: Past, Present and Future]. Ed. by A. V. Kuznetsov, A. M. Novosyolov, Cherepovets: Port-aprel.
- Yurichev E. N. (2009) *Ocherki istorii lesnogo khozyaystva Vologodskoy oblasti* [Essays on History of Forestry Industry in the Vologda Region], Vologda.
- Barnes T. J., Hayter R. (1994) Economic restructuring, local development and resource towns: Forest communities in coastal British Columbia. *Canadian Journal of Regional Science*, vol. 17, pp. 289–310.
- Dow F. (2008) *Envisioning Sustainable Forestry Communities in Northern Ontario: The Role of Architecture and Design* // https://uwspace.uwaterloo.ca/bitstream/handle/10012/3685/Fraser_Dow_Thesis_Submission_o8o515.pdf?sequence=1.
- Halonon M. (2019) The long-term adaptation of a resource periphery as narrated by local policy-makers in Lieksa. *Fennia*, vol. 197, no 1, pp. 40–57.
- Kortelainen J. (2002) Forest industry on the map of Finland. *Fennia*, vol. 180, no 12, pp. 227–235.
- Reed M. (2003) Marginality and gender at work in forestry communities of British Columbia, Canada. *Journal of Rural Studies*, vol. 19, pp. 373–389.